

Исти любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

Н И К О Г Д А Н Е Г О В О Р И
«Н А В С Е Г Д А»

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Оформление серии *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием
«Дворец для сероглазого принца»

Трoнина, Татьяна Михайловна.

Т73 **Никогда не говори «навсегда»** : [роман] / Татьяна Трoнина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-091956-7

Жизнь Катерины налажена: у нее есть чудесный сын Мика, собственная квартира и... любимый мужчина, который обещает ей развестись со своей женой. Но неожиданно для себя Катя решает, что не имеет права уводить из семьи Алексея. И недавно счастливая жизнь катится под откос. Стремясь спасти сына от сумасшедших преследователей, Катя разыскивает бывшего мужа, Микиного отца. Но способен ли Григорий, с которым она когда-то рассталась, помочь Катерине? Или он все тот же эгоист до мозга костей?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трoнина Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

ISBN 978-5-04-091956-7

Успуска, где лыжня уходила вниз, Алексей вдруг остановился и повернул к Кате разгоряченное лицо.

— Нам ведь и так хорошо, правда? — с каким-то особым, серьезным выражением спросил он.

Катя, которая ехала вслед за ним, на миг растерялась — она сейчас думала совсем о другом, но потом собралась и выдохнула с облачком пара:

— Да...

Он некоторое время смотрел на нее, словно ожидая еще каких-то слов, а потом отвернулся и, с силой оттолкнувшись палками от склона, заскользил вниз — только снег зашуршал под лыжами. Туда, где в белоснежной долине, окруженной со всех сторон елями (классический пейзаж для новогодней картинки), возились Мика с Витей и Маринкой.

Мика познакомился с новыми друзьями только вчера, но со стороны казалось, будто они давным-давно друг друга знают. Витя и Маринка — брат и сестра, погодки, вместе с родителями они жили в соседнем номере. Маринке, как и Мике, одиннадцать, а Витя годом младше, и он полностью подчинялся своему новому товарищу.

Солнце медленно опускалось за лес — и от нестерпимого золотого сияния на глаза у Кати невольно навернулись слезы. «Алексей прав — все хорошо, — подумала она, закрываясь от солнца ладонью в шерстяной перчатке, покрытой мелкими ледяными катышками. — Чего еще желать?..»

Она стояла и смотрела вниз — сын и его друзья играли в снежки, сняв лыжи. Бегали, хохотали, падали... Их вопли и смех временами доносились до Кати. Потом к детям стремительно подъехал Алексей и стал заставлять их вернуться на лыжню. Мика и в него запустил снежком.

Катя засмеялась и стала осторожно съезжать вниз. На лыжах она чувствовала себя не очень уверенно, хотя Алексей перед поездкой в этот подмосковный дом отдыха купил им с Микой самые лучшие, вместе с прочей экипировкой.

Ветер свистел в ушах и охлаждал лицо, когда она съезжала вниз, слегка согнув ноги в коленях и зажав палки под мышками, острыми концами назад. «Кажется, все правильно делаю!» — мелькнула в голове мысль, и от этого уверенности у нее прибавилось. Она довольно ловко спустилась в долину.

— Мам, молодец! — заорал Мика, а Алексей поднял вверх большой палец.

Дальше дорога шла по лесу, петляя между деревьями. Алексей ехал впереди, прокладывая лыжню, а Катя замыкала шествие.

Солнце еще пробивалось сквозь верхушки темно-зеленых сказочных елей и золотыми полосами ложилось на снег. Катя вдруг вспомнила, что читала где-то — в декабре в среднем бывает всего два солнечных дня. Ясная, не слишком морозная погода держалась уже два дня — ровно столько, сколько Катя с Микой и Алексеем отдыхали здесь. По всему получалось, что они получили лучшее, что можно ожидать от самого темного и хмурого зимнего месяца...

— Снегирь! — взвизгнула Маринка, указывая палкой вверх. — Глядите все — снегирь! С красным брюшком!

— Тоже мне, удивила... — скептически фыркнул Мика. — Тут, между прочим, кабаны бегают!

— Где? — растерялась Маринка.

— Вон — следы от копыт! Да не там, слева!

— Мамочки!.. — перепугалась девочка, вертя головой.

— Мика, прекрати! — сердито прикрикнула на сына Катя. — Нет тут никаких кабанов!

— Нет, есть, — заявил Витя. — Я, кажется, видел одного — вчера утром, из окна нашего номера...

— Ври больше! — возмутилась его сестра. — Почему ты тогда сразу не сказал?

— Ребята, не отставайте! — позвал всех Алексей, который был уже далеко впереди. — Скоро стемнеет...

Темнело и в самом деле очень быстро — до дома отдыха добрались, когда уже опустились прозрачные сиреневые сумерки и на аллеях вспыхнули фонари.

Мика быстро переоделся и убежал — новые друзья обещали ждать его внизу, в холле. Это очень порадовало Катю — обычно сын неохотно заводил знакомства, предпочитая проводить время за компьютером. Бабушка Лиза и тетки — Даша и Нина — не раз предрекали, что «Мишенька еще хлебнет горя с таким характером».

«Завтра вечером скажу им, что я думаю об их предсказаниях!» — злорадно подумала Катя, которая всегда находилась в небольшой конфронтации со своей родней.

— Как я люблю тебя... — сказал Алексей, когда они остались в номере одни.

— Как? — улыбнулась Катя, сев к нему на колени и положив руки ему на плечи. — Ну — как?..

— Безумно. Безумно и страстно! — серьезно произнес он, без всякого намека на театральность. — Ты лучше всех!

И так же серьезно он принялся целовать ее...

К ужину Катя вышла в темно-сером вязаном платье, которое — она знала — очень шло ей. Дополнила наряд светлыми туфельками, которые она не поленилась захватить с собой. Волна темных волос спускалась почти до се-

редины спины... Смесь простоты и изящества — так оценил Алексей внешний вид Кати. Он ревностно относился к тому, как она выглядела, словно был главой государства, чья вторая половина обязана всегда находиться на должном уровне.

Многочисленные аляповатые зеркала в столовой отражали тонкую юную женщину с идеальным, нежным цветом лица, благодаря которому Катя выглядела намного моложе, чем на самом деле. Впрочем, тридцать три — еще не старость. «Ты похожа на эльфийскую деву, — однажды, давным-давно, заявил ей как-то один поклонник. — Вроде бы человек, а вроде бы — нет...» Комплимент был довольно сомнительным, но тем не менее Катя приняла его с благодарностью — она поняла смысл сказанного. Ее красота — сказочная, вне возраста, не от мира сего...

— Где же Мика? — спросил Алексей, подвигая ей стул.

— Сейчас придет... Вот, а ты говорил, что он будет нам мешать! — с укором произнесла Катя. — А его не видно и не слышно...

— Милая, это ты так говорила! — мягко напомнил он.

— Ах, не придумывай... — отмахнулась она. — Кстати, что сегодня на ужин? Я не буду есть эти булки с маслом!

Булочки — чудесные, свежие, ароматные — пеклись тут же, в местной пекарне, и Мика с Алексеем буквально сходили по ним с ума. Впрочем, как и остальные гости дома отдыха. Но Катя никогда не позволяла себе таких излишеств — она ненавидела все, что можно было считать слабостью, и потому искореняла в себе тягу к свежим булочкам, сливочному маслу, румяной корочке на курице, шоколаду и прочему, что портит фигуру. «Это ты от голода такая злая!» — не раз заявляли ей тетки вкупе с родной матерью.

Мика прибежал позже — румяный и взлохмаченный,

сразу же набросился на рисовый пудинг со сладкой подливкой.

— А булки где? — Он полез в корзинку, накрытую салфеткой. — Мам, ты ведь не будешь? Я съем твою...

— Ради бога, Мика. Но, умоляю, не торопись так! — обеспокоенно произнесла Катя и попыталась пригласить его непослушные вихры. Мика был светловолос и сероглаз. «Настоящая арийская кровь! — не раз шутил Алексей. — И в кого он только такой...» Но Катя никогда таких шуток не поддерживала.

Она считала себя хорошей матерью. Правда, женская часть ее родни в лице мамы, тети Даши и тети Нины не раз твердила, что Катя «бесчувственная, словно бревно, — ребенка лишний раз приласкать не может!». Но она считала, что сюсюкать с мальчиком — только портить его. «Не желаю из него маменькиного сынка делать! — возражала она. — Все, хватит! Уже был в моей жизни один маменькин сыночек!»

Через пять минут Мика покончил с ужином и снова убежал, выпросив у Кати энную сумму на игровые автоматы.

Алексей проводил его одобрителем взглядом.

— Я на одиннадцать забронировал сауну, — сказал он. — Пойдем?

— Ночью — в сауну? — удивилась Катя.

— Да, а что? Уложим этого арийца и пустимся во все тяжкие...

В половине одиннадцатого они с невероятным трудом загнали Мику в номер, а сами отправились в сауну. Никого, кроме них, там не было. Жар раскаленного воздуха и молочная голубизна небольшого бассейна с подсветкой... Завораживающий плеск воды о мраморный бортик и полная, глухая тишина. Сауна располагалась в подвальном помещении, и ни один звук извне не проникал сюда. Они болтали, смеялись, пили пиво. Целовались без конца.

— Лешка...

— Что?

— Мне так хорошо... Знаешь, мне сто лет так хорошо не было! — призналась Катя, положив голову на его влажное теплое плечо.

— Значит, я молодец? — улыбнулся он, перекатывая в ладонях бутылку с пивом. — Ведь это я придумал отвезти вас сюда...

— Ты молодец, Лешенька... — протянула она и пощекотала его за ухом. — Ты у меня золото...

На следующий день они осваивали снежокат, гуляли по лесу, водили хороводы вокруг голубой ели, росшей во дворе дома отдыха и уже украшенной по случаю грядущего праздника, стреляли в тире...

После ужина Алексей посадил всех в машину, и они по обледеневшей, неровной дороге медленно отправились в Москву. Мика сразу заснул на заднем сиденье.

— Нет, что ни говори, три дня вне дома — в самый раз! — заметил Алексей, уверенно держа руль. — Если меньше — не отдохнуть толком. А больше — взвоешь от этой природы.

— Скажешь тоже! — фыркнула Катя. — Природа не может надоесть!

В городе были пробки. Сквозь них с трудом доехали до дома, в котором жила Катина родня.

— Мика, мальчик, просыпайся. — Она осторожно затормошила сына.

— Что, уже? — разлепил тот сонные глаза. — Ма, я не хочу! Поехали домой...

— Мика, нет. Я же работаю...

Катя вытащила сына из машины.

— Леша, я быстро...

Они с Микой побежали к подъезду.

— Я не могу оставлять тебя на целый день одного дома, — терпеливо объясняла она. — Каникулы же почти до середины января!

— Ма, я уже взрослый...

— Мика, нет.

Дверь открыла Катина мама — Алевтина Викторовна. Женщина, презиравшая диеты и воздержание...

— Мишенька! — ахнула она и притиснула внука к своей пухлой груди. — Ангел мой золотой! Как же я по тебе соскучилась...

Из-за спины Алевтины Викторовны показались ее сестры, Катины тетки. Они тоже завопили нечто восторженное, невразумительное и принялись по очереди тормозить Мику. Жили тетки в разных концах Москвы, но к Новому году непременно собирались у своей матери, главы рода Телегиных — бабы Лизы. Бабе Лизе, приходившейся Катиному сыну прабабкой, было восемьдесят семь, но, несмотря на годы, она отличалась ясным критичным умом и язвительным характером.

Баба Лиза была тут как тут — растолкав трех дочерей, она увидела стоящих в прихожей Мику и Катю.

— Прибыли, значит, — констатировала она, поправив на голове шерстяной платок, который не снимала с головы круглые сутки, поскольку постоянно мерзла. Лицо ее, темное и морщинистое, передернуло гримаса раздражения. — Шуму-то, шуму...

— Привет, баб Лиз, — деловито заметил Мика, снимая с себя верхнюю одежду. — Как дела?

— Дела на букву... — заскрипела баба Лиза, но дочери не дали договорить, на какую именно букву были дела.

— Мама, не выражайтесь при ребенке! — спохватившись, завопили они.

Баба Лиза покосилась на них темными, блестящими глазками и с вызовом произнесла:

— Чего вы мне рот затыкаете, а?.. Матери родной...

— Мама, но вы иногда позволяете себе произносить такие слова... — залепетали тетя Нина с тетей Дашей — старшие сестры-близняшки, одинаково круглые, с одинаково стриженными вьющимися волосами, крашенными в иссиня-черный цвет, отчего казалось, будто они нацепили на себя шапочки из каракуля.

— Нешто ребенок этих слов не знает... — буркнула баба Лиза и, протянув вперед руку, затопала в сторону кухни. — И вообще, допекли вы меня все! Я к Митечке уйду, он давно меня зовет... Совсем заездили старуху!

Митечка, или Дмитрий Родионович Быков, пятидесяти трех лет, был младшим ребенком бабы Лизы, и потому — самым любимым. Он приходился сводным братом Катиной матери и ее теткам, поскольку баба Лиза в молодые годы постоянством не отличалась. Замужем она была несколько раз.

— На Новый год к нам придешь? — испытующе глянув на дочь, спросила Алевтина Викторовна.

— Приду, — обещала Катя.

— Как-никак семейный праздник... — вздохнули тетя Нина и тетя Даша. — Митька со своей Ставридой тоже придет.

Ставридой они звали жену брата, Леониду Станиславовну.

— Баба Лиза и в самом деле к ним хочет переехать? — на всякий случай поинтересовалась Катя.

— Она-то хочет, да кто ее туда возьмет... — туманно заметила Алевтина Викторовна. — Ты же знаешь, ее обожаемый Митечка палец о палец ради матери не ударит. И его Ставриде тоже лишняя обуза не нужна.

— Ну да... — вздохнула Катя. — Ладно, я пойду.

Она на прощание поцеловала сына и убежала.

Алексей ждал ее в машине, нетерпеливо покусывая губы.

— Как ты долго!

— Да ты понимаешь — тетушки, бабушки... — раздраженно заметила Катя. — Такой курятник! Если бы не работа, ни за что бы Мику им не отдала...

Дальше они ехали молча.

Перед высотным новым домом Алексей затормозил.

— Зайдешь? — с надеждой спросила Катя.

— Нет времени... — Он крепко прижал ее к себе. — Все, пока! Завтра позвоню...

— Леша... — Она потерлась виском о его щеку. — Я буду скучать.

— Я тоже. Я всегда по тебе скучаю.

Она, словно в последний раз, взгляделась в его лицо. Алексей чем-то напоминал одного известного актера времен соцреализма — темно-русые густые волосы, широкий подбородок с ямочкой, лепные крупные губы, четкий контур бровей, большие глаза — серьезные и веселые одновременно. Карие, с золотистыми искорками...

— Я люблю тебя.

— И я тебя люблю...

Она поцеловала его и хлопнула дверцей машины.

Алексей подождал, пока она войдет в подъезд, а затем уехал.

Дома тихо и пусто без Мики, без Алексея. Завтра Кате на работу с утра пораньше, а завтра — тридцать первое декабря. «И кто придумал в такой день работать...» — лениво подумала она, скидывая с себя одежду.

На полках стенного шкафа — от пола до потолка — стояли фигурки деревянных коней. У Кати было хобби — она вырезала из дерева, причем только этих животных. На подоконнике стояла заготовка — чурбачок из ольхи, на котором контуры будущего скакуна были едва намечены, а рядом набор специальных инструментов — стамеска, резак, рашпиль... Хобби было отнюдь не женским, но

Катя ничего не могла с собой поделаться, для нее не было ничего слаще в свободную минутку взять в руки дерево и стесать лишнее, чтобы появился на свет очередной конь-огонь — с резной гривой, длинной изящной мордой и тонкими ногами, готовыми, кажется, в любую минуту унести его вскачь...

Но сейчас она слишком устала.

Катя приняла душ, выпила пустого чая и легла спать. Но долго не могла заснуть — мешала, давила на уши тишина. Современные пластиковые окна не пропускали ни одного звука с улицы.

Эту квартиру Катя купила сама несколько лет назад, когда поняла, что не в силах больше жить со своей родней. Она искренне их всех любила — и маму, и бабу Лизу, и своих bestолковых теток, которые часто наведывались к ним, но...

Квартиру Катя купила, когда самого дома еще и в помине не было, рабочие только котлован рыли. Зато квадратные метры на этой, так называемой нулевой стадии стоили гораздо дешевле, чем если бы Катя покупала уже готовую квартиру. «Омманут! — предрекала баба Лиза. — Денежки возьмут, а дом не построят! Ох, Катька, нейметя тебе...»

Но дом тем не менее построили — почти к обещанному сроку. И Катя с сыном переехали сюда. Мика, тогда еще несознательный детсадовец, был в полном восторге — он любил все новое, незнакомое.

Катя потом еще год расплачивалась с долгами. Но это были такие пустяки по сравнению со свободой, которую она обрела... Ведь свобода дороже всего, твердила она себе все время. Это были не ее слова — чужие, но тем не менее она свято верила в них.

Она заснула, и ей сразу приснился Алексей — как будто бы он рядом и ему никуда не надо уходить...

В третьем часу Нелли проверила, заперт ли шкаф с реактивами, выключены ли автоклав с сушильным шкафом. И только потом сняла с себя халат.

Здесь, в лаборатории молочного завода, вечно витал сладковатый творожистый запах, очень неприятный и непривычный для постороннего человека, но почти незаметный для тех, кто здесь работал.

Нелли последние десять лет являлась заведующей лабораторией. Ее работа микробиолога была довольно рутинной — бери пробы черпаком да сиди потом целый день у микроскопа в обнимку с так называемой чашкой Петри — плоской стеклянной миской, чем-то похожей на пепельницу.

— С наступающим, Нелли Георгиевна! — крикнули ей на проходной.

— И вас так же! — весело ответила она.

Она села в свои «Жигули» и сразу же отправилась в большой супермаркет. Набрала целую тележку продуктов, потом еле запихнула все это в багажник. Затем заглянула в сувенирный магазинчик, который располагался тут же, возле супермаркета, и купила заколку для галстука, серебряную визитницу и серьги из янтаря.

«И зачем только все на последний день отложила!» — с отчаянием подумала она, продираясь сквозь людскую толпу обратно к машине. Но позаботиться обо всем заранее Нелли не могла — слишком много хлопот у нее было. И работа, и дом...

Она заранее позвонила дочери — чтобы та спустилась и помогла ей с сумками.

Когда Нелли подъехала к своему подъезду, Поля — подросток-переросток — уже ждала ее у входа, кутаясь в яркую-желтую осеннюю куртку, а рядом с дочерью...